

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Согласилась!

Наконец-то она согласилась!... Долго я ее упрашивал, очень долго уговаривал. Я и клялся, и обещал чуть ли не золотые горы, объяснялся в любви...

Она не соглашалась.

— Я еще очень молода! Что вы?...

Так она всегда отвечала на мои упрашивания уговора.

Но, наконец, она согласилась...

Надя, как звали ее, была девочкой семнадцати лет, дочерью вдовы сапожника в нашем поселке очень хорошенькой, скромной, тихонькой блондиночкой.

Вдова, ее мать, приходила ко мне прибираться в комнатах и мыть полы. Хитрая баба знала о моих ухаживаниях и даже поощряла их, видя в них источник многих благ. Во время уборки она сама присылала дочку развлекать меня. В такие минуты я усаживал Надю к себе на колени, целовал, обнимал, расстегивал кофточку и ласкал нежные, маленькие груди.

Потом мне уже было разрешено гладить ее ножки, но только до колен, не выше. Но и это было наслаждение — гладить ее маленькие ножки.

Я много раз приглашал ее поехать со мной в ближайший городишко, соблазняя покупкой подарков. И наконец, после многих отказов, она согласилась.

Мы решили поехать на другой день и условились, где и как нам на станции встретиться, чтобы не подавать повода к нежелательным сплетням.

После разговора об этом она сама крепко меня обняла и поцеловала, чего раньше никогда не делала.

На другой день вечером, за целый час до прихода поезда я уже был на станции и с нетерпением высматривал ее. Где же она? Вот уже и поезд показался невдалеке, а ее все нет... Надула? Обманула?

Но нет, вот, наконец, и она с матерью!

Едем!

Бегу в кассу, беру себе билет первого класса, ей — третьего до ближайшей станции, занимаю маленькое двухместное купе и жду отхода.

Бесконечно долго тянутся минуты, но вот последний сигнал, свисток... Надя торопливо прощается с матерью и бежит в вагон третьего класса.

Как только поезд отошел, я бросился в третий класс, нашел Надюшку и, несмотря на ее протесты, забрал к себе.

В вагоне, кроме нас, никого не было. Вручив кондуктору рубль со строгим наказом, чтобы он никого не впускал в купе, я запер дверь и страстно обнял девчурку. Смеясь, она отвечала робко на мои поцелуи, затем сняла верхнюю кофточку и платок с головы и чинно уселась возле меня.

Вне себя от желания, я прижал ее к себе и прошептал:

— Надюша, можно? Да?

— Что можно?... А, вы все за старое. Да разве здесь можно?... Не дай Бог, войдет кто.

Тут-то я уже понял, что она тоже хочет ласки...

Поезд подошел к станции с буфетом. Я купил сладкого крепкого вина, закуски, решив немного подпоить Надю для храбрости.

После долгих отнекиваний она выпила две рюмочки вина, затем прилегла на диван, оставив, по моему желанию, ноги у меня на коленях.

Она лежала на спине, а я потихоньку ласкал дозволенные мне ранее места, пытаясь незаметно забраться выше колен.

Надя не сопротивлялась, но когда моя рука жадно схватила ее голую ляжку, со вздохом оттолкнула руку и повернулась на бок, ко мне лицом. Теперь она, затаившись, уже не двигалась и только вздрогнула, когда моя рука страстно коснулась ее голой жопки... Уже задыхаясь, я ласкал торопливо ее горячие, маленькие, кругленькие полушария.

Когда мои пальцы стали слишком смелыми, она, пытаясь избежать моих ласк, повернулась на спину. Я облегчил это ее движение, и моя рука скользнула к ее лобку...

Поставив локоть между ее коленками, я заставил девушку, после некоторой молчаливой борьбы, разжать ножки. И тотчас же мои пальцы коснулись желанного... Впервые!...

Девчонка вздохнула и чуточку развела ноги.

Мой член стал колом...

Расстегнув штаны, я стянул их до колен и, сдерживая волнение, лег на нее. Она сама приподняла юбку и рубашку до пояса и, слегка согнув ножки в коленях, ждала.

Но предыдущая игра вызвала у меня слишком сильное возбуждение. И как только член прикоснулся к лобку, я — о, проклятье! — тут же спустил...

Она застонала и прижалась ко мне всем телом. А я только обливал ее, теряя твердость. Она заметалась и стала неловко подмахивать. Надюша горела как в огне, со стонами и вскрикиваниями страстно прижимала меня к себе, делая частые встречные движения. Но все напрасно...

В дверь постучали. Мы подъезжали.

Мне пришлось повозиться, пока я ее кое-как одел, потому что от страсти она просто ничего не могла делать сама, а лишь целовала и обнимала меня...

Только в бричке извозчика, вдохнув свежего воздуха, Надюша пришла в себя.

Молча добирались мы до гостиницы, молча поднимались в номер.

Постелив постель, прислуга удалилась, и я запер дверь.

— Ну, Надя, раздевайся!

— А где я буду спать?

— Да со мной же!

— Нет, я лучше на диване.

— Ну вот еще!

Прошло несколько минут в пререканиях пока, наконец, она не начала медленно раздеваться. Сняла кофточку. Под тонкой ситцевой сорочкой ясно обозначились два маленьких возвышеньица.

Я обнял ее, погладил трепетной рукой верх сорочки и крепко поцеловал в губки.

Она ответила на мой поцелуй...

Поколебавшись, сняла юбку. Присев на диван закинула одну ногу на другую, и я мельком увидел ее ляжки и все остальное. В одной рубашонке она быстро юркнула в кровать.

Я тоже разделся, потушил свет и лег возле нее. Целуя и обнимая лежащую на боку Надю, я уговаривал ее лечь на спину.

— Не нужно, лучше не нужно, милый... — шептала она, тем не менее отвечая на мои поцелуи

— Я боюсь... если кто узнает.

— Не бойся, детка, ведь я тебя люблю. За этой просьбой последовала, впрочем, другая — я попросил дрожащую девушку раздвинуть ножки...

— Ну уж нет... — отвечала Надя.

Пришлось слегка надавить коленом... Ее коленки понемногу разошлись, я стянул ее рубашку до самой шеи...

Она еще продолжала сопротивляться, наше дыхание становилось все тяжелее...

Наконец, она сказала:

— Поцелуй меня, только не трогай «там».

Не отвечая и чуть приподнявшись, я начал водить членом по ее влажной щелке... Надя вздрогнула и схватила меня за шею... Своими ногами я сильно раздвинул ее бедра, нащупал головкой вход в ее дырочку и чуть-чуть нажал... Она вскрикнула, дернулась, напряглась, но член бы. уже в ней...

Оставаясь в таком положении, я вдвинул в ее раскрытый ротик язык, который она сразу же зажала между своими губками и языком. Вскоре я почувствовал, что она как-то слабеет подо мной.

И я внезапно и сильно нажал членом! Надюша дернулась, вскрикнула, выпустив мой язык, но я тут же закрыл ей рот поцелуем и вновь нажал... Она забилась и застонала подо мной, но я, уже мало что соображая, держал ее как в клещах и яростно засаживал член в маленькую щелочку... Когда головка прорвалась в дырочку, она вскрикнула так, что пришлось зажать ее рот рукой.

Но мое наслаждение и мучение девчушки длилось очень недолго. До того мгновения, когда головка члена уперлась в ее матку и когда она во второй раз сильно дернулась и в восторге застонала. Я тоже изошел...

На другой день мы чувствовали себя превосходно. Начало было положено и в будущем меня ожидало море наслаждений. Понемногу и Надя развеселилась, принимая от меня подарки для себя и для мамы и с восхищением наблюдая забавные сценки в цирке, который мы посетили.

К вечеру мой темперамент, однако, дал себя знать. Но я нашел в себе силы пощадить Надю. Перед отъездом она нуждалась в нескольких днях отдыха.

И все-таки желание было слишком велико! Я принялся объяснять девушке другие способы наслаждений, уговаривать попробовать кое-какие из них. К моей великой радости, мне не пришлось тратить много слов, и вскоре Надя, сперва очень робко и краснея, а затем с увлечением начала сосать мой член... целых два раза я спустил ей в рот... Затем и сам пососал Наде ее ставший твердым бутончик. Она повизгивала, дергала ножками, вертела жопкой и, наконец, спустила мне в рот. В вагоне она еще раз сосала меня... Через два дня Надя пришла ко мне без матери.

— Мать прислала поблагодарить за подарки. Завтра придем убирать...

— Прислала... А ты сама не хотела?

— Ну и я...

Спустя несколько минут мы лежали голые на кровати...

С тех пор мы часто встречались. Она приходила ко мне или одна или с матерью. Мать убирала в комнатах, а я принимал Надю в кабинете. В соседней комнате, где возилась вдова, разумеется, хорошо было слышно, что делается в кабинете. И скрип дивана, и повизгивание Нади, и ее мольбы не делать быстро и сильно, и мои просьбы поднять полные ножки и все

такое прочее...

* * *

Вот что рассказывал старый холостяк Иван Петрович в своей компании, пообещав как-нибудь в другой раз рассказать продолжение